

Фашизм и бюрократия

I. Сердечное согласие

После "безумного" 1993 года, закончившегося 4 октября, наступило ли пусть хрупкое, пусть временное, но спокойствие? Или мы можем ожидать масштабного политического кризиса в ближайшие месяцы? Если этот кризис произойдет, то куда повернется дрожащая магнитная стрелка российского политического компаса, кто получит дивиденды от кризиса?

Я никогда не давал политических прогнозов, не буду нарушать эту традицию и сейчас. Но как бы политологи ни выстраивали свои схемы, в них все сильнее входит новый и очень мрачный "коричневый" фактор. Если пользоваться той же метафорой, как будто под российский политический компас подложен тяжелый топор нацистских штурмовиков, и стрелку все время сносит в эту сторону. Если бы этого фактора, этой угрозы не было, то к любым потенциальным политическим кризисам общество могло бы относиться значительно спокойнее: в конце концов, за вычетом этого фактора политический процесс едва ли может привести общество к летальному исходу. А вот нацизм, фашизм (жесткий или мягкий, коричневый или красно-коричневый) сегодня для России означал бы смерть, национальную катастрофу, имеющую в нашей истории один аналог — 1917 год. Второй такой "геологический разлом" наша земля может просто не выдержать...

Но не заражаем ли мы себя "фашистофобией", манией преследования? Ведь сегодня на российской политической сцене нацизм кажется каким-то призраком. Этот призрак бродит по страницам газет, верно, но где он, в своей грозной реальности? Массовой нацистской партии нет. Конечно, можно указать на Жириновского, но его популярность по всем опросам падает — непрерывные пустые скандалы утомили избирателей. Можно надеяться, что пик своей популярности он прошел в декабре, но нет ощущения, что давление фашистской угрозы, пусть не слишком оформившейся, уменьшается. Напротив, кажется, что эта угроза — безотносительно к фигуре Жириновского — растет.

Но кто же тогда? Откровенные нацисты, бандиты баркашовцы? Самих по себе их нельзя считать политической силой — это все еще из разряда уголовной хроники. Их "фюрер" умело использовал 3-4 октября для кровавой рекламы себя и своего движения, но в "большую политику" пока не вошел.

Что же заставляет всерьез говорить об этой "угрозе без лица", об этих коричневых испарениях, встающих над политическим болотом?

Для меня "звонком" стало 3-4 октября. При всем, что мы знали о Хасбулатове, Руцком, Верховном Совете, не верилось, что они внутренне уничтожили дистанцию между собой и нацистами и широко протянут им руку, да еще вложив в эту руку автомат. Однако протянули. В переломный момент легитимная политическая оппозиция сделала выбор: ради завоевания власти можно идти рядом с нацистами, можно принять их помощь, их методы. Вот главный, решающе важный политический урок тех дней. Россия, наверное, единственная в цивилизованном мире страна, где политик, оставаясь серьезным, легитимным политиком, открыто заключает союз с нацистами.

И не отказывается от этого союза, когда "горячка битвы" прошла. Слов в осуждение тех же баркашовцев и своего "сердечного согласия" с ними не нашлось в запасе ни у бывшего вице-президента России, ни у бывшего председателя Верховного Совета, ни у активно действующих сегодня в Думе экс-депутатов Верховного Совета и партий, поддерживавших Верховный Совет.

Последний пример — 12 мая, вечер газеты "Завтра" (этакого "центрального органа" непримиримой оппозиции). Приветствие Баркашова встретили аплодисментами тот же Руцкой, Зорькин, Бабурин... Баркашова с успехом заменил генерал Макашов, прорывавший следующее: "Боже, помоги выкинуть из Кремля и из России всех жуликов, проституток, воров, освободи нас от этой нечисти. А если тебе некогда, я это сделаю со своими товарищами (Аплодисменты). Служу Советскому Союзу". К известной всем характеристике Макашова это ничего, конечно, не добавляет, но ведь ему иступленно хлопали отнюдь не только маргиналы, а определенная часть политического истеблишмента, вполне влиятельные политики. Фотографии для истории: Ачалов, Руцкой, Макашов, Проханов, Константинов, Чикин, Анпилов, Бабурин, Невзоров, Зорькин, Зюганов, Романов, Стародубцев.

Руцкой, Зорькин, лидер КПРФ Зюганов, едва не ставший председателем Федерального Собрания Романов — бок о бок с Анпиловым, Макашовым. Вот мелкое, но прямое доказательство "смычки" легитимных политиков, всерьез

претендующих на власть, и околонуцистских маргиналов. Не зря этот замечательный "вечер спевки" назывался "Согласие во имя России". Согласие с нацистами во имя России. Или согласие во имя нацизма в России? Аналога такому единому фронту в современной мировой политике, пожалуй, не подберешь. Зато аналогия есть в прошлом — так называемый "Гарцбургский фронт", созданный в октябре 1931 года в Германии реакционными генералами, националистическими политиками, королями ВПК и нацистами. Фронт этот просуществовал недолго и стал лишь питательной средой, бульоном для размножения нацистских бактерий, пожравших своих легитимных попутчиков. Гитлер и не скрывал своего к ним презрения. Но ведь и российские ученики фюрера пишут все в той же газете "Завтра" о своих союзниках: "Каждый, кто имеет совесть, обязан отдать должное именно "баркашовцам". Именно им сегодня принадлежит право "морального" первенства в оппозиции. Им, а не трусоватым "прагматикам" из КПРФ или уклончивым, будто объевшимся сметаны лидерам российского общенационального союза... "Патриоты" в Думе — это отбросы оппозиции, пролезшие в декоративный ельцинский балаган по трупам и крови своих павших товарищей... Но как бы то ни было, новым депутатам следует помнить: предавая РНЕ (партия Баркашова), вы предаете русское сопротивление, предаете павших, предаете Россию. А это вам так просто не пройдет".

Вот такие (и не такие еще) угрозы и плевки сносят от своих "крутых союзников" официальные лидеры оппозиции, не смеющие, разумеется, ответить хоть чем-нибудь подобным. Да, поистине: "моральное" первенство в этой компании захватили не вице-президенты, спикеры, депутаты, а никому (пока) не ведомые "мальчики-баркашовцы". Они диктуют "союзникам" свою мораль, заставляют их играть по своим, бандитским, правилам. Вот такое согласие во имя России. И это при том, что у нацистских маргиналов нет известного, сильного лидера. Появись он — и мгновенно вся объединенная оппозиция превратится в машину, обслуживающую такого лидера, превратится в систему рычагов и приводных ремней, помогающую такому лидеру идти к власти.

Но даже если нацистский фюрер в обозримом будущем не вылупится, все равно давление нацистов будет "разворачивать" Руцкого, других "легитимных" лидеров, превращая их в "агентов влияния" нацистской политики.

II. Идеалы...

Как же это может быть? "Чистые" нацисты имеют малый политический вес. Казалось бы, в союзе с известными националистическими политиками они заведомо слабая сторона, "меньшие братья", ведомые. А на проверку они оказываются ведущими. Чем этот парадокс объяснить?

Полнейшей идейной нищетой "легитимных" националистов.

Сколько бы они ни произносили заклинания про "просвещенный патриотизм", им так ни разу не удалось объяснить, что это такое. Их "просвещенный патриотизм остался какой-то мертвой оберткой, внутри которой или пустота, или все та же конфета с красно-коричневым ромом. У нацистов есть идеология, есть лозунги — преступные, глупые, алогичные, но четкие, ясные, определенные. Национал-патриоты выработать свои лозунги оказались не способны.

При полной собственной идейной невнятности, при отсутствии всякого "табу" на нацизм, насилие, террор, — что они могут противопоставить воплям того же Макашова? "Даешь Советскую народную власть! Даешь народное русское правительство! Даешь русскую экономику, русскую культуру, русскую армию!" (Особенно хорош макашизм в культуре. Впрочем, все остальное обещает быть ничуть не хуже...) И в ответ на весь этот бред юристы и депутаты, профессора и писатели-патриоты покорно кричат: "Даешь!" Нашли национальный перевод для "хайль". Да, постыдная картина полной идейной капитуляции "национально мыслящей элиты", которая без всякого трения совершает свой "полет на коленях" прямо к начищенным сапогам макашовых-баркашовых.

Идеология нацизма, фашизма — злокачественная мутация национализма, национализм, превратившийся в свое отрицание, несущий гибель нации. Этот путь вверх по лестнице, ведущей вниз, точно описал В. Соловьев: "Национальное самосознание — национальное самодовольство — национальное самообожание — национальное самоуничтожение". Чтобы устоять на первой ступени, абсолютно необходимой всякой нации, но не заскользить дальше, нужна интеллектуальная и моральная самодисциплина, которой и в помине нет у национал-патриотов.

Национальный эгоизм почти так же свойствен человеку, как эгоизм личный. Озлобленный, агрессивный характер он приобретает, когда к нему добавляется жгучее чувство национальной обиды, несправедливости. У больших наций после развала империи это чувство практически неизбежно. Классический пример — та

же Веймарская Германия. В России синдром "имперской обиды" тоже есть, правда, он смягчается несколькими обстоятельствами. Тут и традиционное ощущение огромности страны, почти не изменившееся после гибели СССР, и очень распространенное чувство глубокого отчуждения от Государства (оборотная сторона насильственной государственной дисциплины). Проблема "жизненного пространства" никогда не жила в душе русского человека, а разговоры о том, что правящий режим — оккупационный, управляемый из США, никем, кроме пациентов психиатрических клиник, вполне всерьез не воспринимаются.

Воинствующий национализм, комплекс обиды и национальной ущемленности пожалуй, питаются другим.

После гибели коммунистической идеологии (одновременно с этим, ввиду исчезновения объекта для борьбы, во многом утратил привлекательность и антикоммунизм) наступил глубочайший идеологический вакуум. Ценности чисто "потребительского общества" его заполнить не могут. К тому же эти ценности в жизни огромной массы людей воспринимаются как издевательство, как реклама недоступных товаров. Вот здесь в дело вступает национализм. Личная обида "замещается", "облагораживается" обидой национальной, превращается уже в идеологию, в ориентир и опору в жизни. В этом "национализме обиды и нищеты" имплицитно содержатся не только (не столько) собственно национальные, но и переплавленные в национальную форму социальные мотивы. Бедность, эксплуатация, несправедливые привилегии, неоправданное расслоение общества — все это вдруг приобретает национальную окраску, видится в коричневом свете. Так возникает интерференция социальной и национальной злобы, известная как "национал-социализм".

Подобного развития событий боялись во всех посткоммунистических странах. Ждали мутации: из коммунизма — в нацизм. Однако страхи пока не подтверждаются ни в Восточной Европе, ни в Прибалтике. Ближе всех к красно-коричневой полосе подошли мы.

На бытовом уровне — разговоры, что "все скупили кавказцы", "в своем доме не дают прохода русскому человеку", "от них вся преступность". На идейном уровне — идея "всемирного заговора" против России с целью превратить ее в колонию международного, западного (американского, сионистского) капитала. Это является поистине идефикс национал-патриотической оппозиции. В обоих случаях

мы видим отнюдь не чисто расовые (вообще абсолютно чуждые России), а национально-социальные предрассудки.

Сразу оговорюсь, рискуя вызвать протест иных своих коллег: за всем этим злым бредом, увы, стоит немало реальных проблем. Существует в нашей стране и мафия, собранная по этническому признаку, как есть она во всем мире, например, в США в том числе есть и "русская" мафия. Это не вся мафия, но вполне реальная ее часть. Существует и жесткая борьба на мировых рынках, в том числе финансовых. И там мало желающих бескорыстно помогать

России, как и любой другой стране, тем более пропускать ее "вне очереди". В определенных финансово-политических кругах есть и недоброжелательное отношение к России, и желание ее изолировать. И в этом нет ничего ни ужасного, ни странного. В мировом сообществе нет идиллии "всемирного братства". Например, во многих странах жив антиамериканизм. Идет конкуренция, но прогресс заключается в том, что она ведется твердыми, но корректными, "гражданскими" методами. Раздувание же национал-социалистического психоза отнюдь не способствует успеху в этой конкурентной борьбе.

Но почему же именно общественный организм России оказался наиболее податливым к действию красно-коричневых бактерий-убийц?

Таковы, увы, генетика и структура нашего общества.

В общем виде ответ заключен в одном слове — "тоталитаризм". Восточной Европе этот строй был навязан нашими танками. Ушли танки — рухнул строй. В нашей стране все сложнее. Да, когда ослабло насилие, этот строй зашатался и упал и у нас в стране — значит, разговоры о безусловной приверженности России к тоталитарному строю, к насилию и несвободе являются ложью. Но верно и другое — этот строй не был нам навязан извне, он в каком-то смысле, хотя и насилием и обманом, но пришел к власти изнутри самой России, ее истории.

Подробное обсуждение этого, в сущности, основного вопроса российской истории и философии здесь, конечно, неуместно. Ясно одно: порыв к свободе и "бегство от свободы" трагически, подчас неразрывно переплелись в нашем прошлом. Так, большевистский тоталитаризм, разумеется, уничтожал, отрицал самодержавие, но вместе с тем был его законным продолжателем, наследником, который довел самодержавие до логического предела. ЧК расстреливала черносотенцев — и была их духовной дочерью, лишь превзошедшей родителей в беспощадном насилии. Другой пример неразделимого, трагического противоречия

русской истории — лозунг "За Родину, за Сталина". Ведь "в развернутом виде" это значит: "За Родину, за ее палача Сталина..."

Как бы то ни было, тоталитарное сознание глубоко уходит в толщу нашей истории, где были войны (как в истории любой страны), но не было гражданского общества. Оборонное мышление, ксенофобия, ставка на силу, "сила власти", измеряемая мерой ее насилия по отношению к народу, — все это у нас не заемное. Конечно, это страшно уродует национальную память " не дает возможности появиться разумному, умеренному консерватизму. Какие традиции может охранять наш консерватизм? Гражданское общество? Независимость личности от Государства? Частную собственность? Да, все эти традиции у нас были — но лишь в зародыше, в потенции. Невольно консерватизм начинает возвращаться к действительно доминировавшим традициям — "необходимости самовластья и прелести кнута". А если отделить от этих традиций феодально-сословную честь, которая была совершенно вытоптана, то получается "самодержавие толпы", уже пограничное с нацистской идеологией...

Между тем как раз консерватизм является важнейшей частью здорового общественного сознания — тормозом, который помогает удержаться в рамках разумного национализма, удержаться на уровне национального самосознания, не скатываясь к саморазрушительному национальному самодовольству. Этот здоровый русский национализм, основанный на гражданских правах русского человека, на его твердом праве на частную собственность, еще предстоит формировать — если для того будут объективные социальные условия.

III. Альтернатива

Еще важнее психологических традиций объективная структура общества.

Тоталитарное общество не разрушено. Оно надломлено — это и определяет специфику настоящего момента нашей истории.

Милитаризованная экономика. Экономическая и политическая власть бюрократической олигархии. Постоянные тенденции к окончательному бюрократическому реваншу — к восстановлению бюрократической машины в том виде, в каком она существовала в стране (и душила страну) до 1991 года. Вот картина общественного организма, которую мы наблюдаем.

Основа основ — отношения собственности. Сейчас без барабанного боя и, что трагично, практически без осознания обществом решается поистине

исторический для России вопрос. Капитализм практически уже остановить нельзя. Дилемма в следующем: бюрократический (номенклатурный, государственный) капитализм или демократический (гражданский, открытый). Если брать известную историческую аналогию: пойдём мы "прусским" или "американским" путем. Вот фокус всей социально-политической борьбы сегодняшних дней. Вот что стоит за всеми законами, указами, прениями, выстрелами и пресс-конференциями. Если говорить более корректно: каким будет соотношение того и другого элементов в нашем строящемся обществе.

Избрав государственно-бюрократический вариант, практически обреченный на застой, не имеющий сил для самодвижения, отделенный высокой стеной коррупции от подавляющего большинства населения, мы действительно обрекаем Россию на отставание от мира, на колониально-сырьевую роль, на вечную консервацию этой роли. Вот вам и "заговор" против России — "заговор", участниками которого являются отнюдь не "масоны", а бюрократическая элита, гордо именующая себя "государственниками". Колониальные государственники...

Сегодня интересы этих групп (сохранивших — особенно на местах — всю полноту власти), очевидно, чисто охранительные. Их идеология едва-едва просматривается — людям не до того, они заняты практической деятельностью по своему обогащению. Как все богатые люди, они осторожны, крайности их пугают. Однако на всякий случай нацистов они могут подкармливать.

Возможна ли ситуация, когда правящая бюрократия пойдет на альянс с нацистами, "наймет бандитов", действительно повторив в России "веймарскую катастрофу"?

Во всяком случае, эту болевую точку надо постоянно отслеживать, помня, что только союз с наиболее агрессивной частью бюрократической буржуазии может открыть нацистам дорогу к власти. Никаких реальных, тем более легитимных путей, чтобы одни нацистские маргиналы захватили власть, сегодня нет. Опасно иное: легитимная политическая, бюрократическая элита сама может двинуться в сторону нацизма, переродиться, "изнутри" прорасти "коричневым загаром". Пример такого перерождения перед глазами — Руцкой, Хасбулатов, ВС. Это была модель. Теперь представьте подобное перерождение в большем масштабе — и сами оцените масштаб возможной катастрофы.

В 30-е годы бытовала формула о фашизме как открытой террористической диктатуре наиболее агрессивных слоев буржуазии. Эта формула точно описывала как раз сталинский фашизм, была, в некотором смысле, его "бессознательной

рефлексией": надо лишь вместо "буржуазия" поставить "бюрократия". Сегодня такая формула еще ближе к истине; фашизм у нас возможен лишь как диктатура самых агрессивных слоев "буржуазной бюрократии", номенклатурного, паразитического капитала.

Союз бюрократии, буржуазии и нацистов — вот та главная опасность, которую мы должны перед собой видеть. Исходя из этого и строить свою политику.

Из сказанного, думается, абсолютно ясна моя позиция по модному ныне вопросу "просвещенного авторитаризма". Убежден: "хорошая диктатура" может быть только для тех, кто и "плохой" будет рад. Если же кто-то всерьез надеется защититься от нацизма, выстроив вокруг себя клетку "демократической диктатуры", то он горько ошибается, кидается из огня да в полымя. Диктатуру всегда выстроят без нас, против нас — здесь мы можем не тратить силы понапрасну. Как бы ни была принята сегодняшняя конституция, она дает как раз оптимальное (с учетом традиции, реального баланса сил) соотношение авторитарного и демократического векторов в нашей политической системе. Не усиливать авторитарность, а превращать написанную конституцию в действующую — вот задача.

Мы должны противопоставить союзу бюрократии и нацистов свою политическую конструкцию: союз демократии и либеральной буржуазии, при нейтралитете (и, соответственно, соблюдении интересов) самых влиятельных отрядов бюрократии.

Стратегически наши интересы противоположны интересам бюрократии: мы — за уменьшение влияния государства в экономике, за демократический путь развития рыночной экономики, вне контроля бюрократической олигархии.

Но мы, по своему менталитету, по социальной группе поддержки, не приемлем "борьбы на уничтожение". Такая борьба — и то, разумеется, только политическая, идеологическая — для нас возможна и неизбежна лишь с нацистами.

С бюрократией, связанной с ней буржуазией мы можем и будем всегда искать компромиссы, проводить свою политику так, чтобы не прижимать их к стене, чтобы обеспечивать им "мирное вращение" в открытый, демократический капитализм. Самое главное — ни при каких условиях не допустить союза правящей бюрократии с нацистами как с "меньшим злом". Бюрократическая олигархия должна все время ясно понимать: лучше "потерять" с демократами, чем "найти" с

нацистами. И, не надеясь на "понятливость" бюрократии, мы постоянно должны ей это объяснять.

Если союза бюрократических "верхов" и нацистских "низов" удастся не допустить, нацистская угроза для нашей страны так и останется лишь угрозой.

Говоря о чисто политических условиях, при которых реальна опасность переворота, весь опыт российской истории учит, что главное условие — два параллельных центра власти. Так было в 1917-м, в августе 1991-го, в октябре 1993-го. "Третья сила" всегда рвется наверх по спине одной из ветвей власти. Поэтому важная задача демократических сил — не допускать опасной конфронтации высших властных структур. Только так можно сохранить стабильность, целостность государства.

Лозунги государственников и националистов сегодня в цене. Нам нет нужды лгать и примерять чужую шкуру. Не из-за конъюнктуры, а по существу мы были и остаемся государственниками. Наша цель — эффективное, не самоедское государство. Конечно, мы не считаем, что чем наглее бюрократия, тем сильнее государство. Если не путать государство с Держимордой, то очевидно, что мы — государственники.

Мы измеряем свою приверженность российским национальным интересам тем, что удастся сделать для нормальной, достойной человеческой жизни русского человека, всякого гражданина России. Те, кого у нас называют "националистами", измеряют свой национализм иначе, мерой своей ненависти к "инородцам", а то и просто — циркулем для измерения неарииских черепов. С нашей точки зрения, они реальные русофобы, потому что, стараясь заразить ядом своей злобы Россию, губят ее, надеются превратить в больную страну. Такую же больную, как они сами...

Нам не надо ни лукавить, ни умалчивать о своей позиции, ни отречься от своих слов. Мы ясно и просто можем объяснить, почему мы — государственники и патриоты. Надо только верить в разум людей и говорить им правду. Будем помнить чудесные слова: наше достоинство — в разуме. А на свету разума исчезают призраки. В том числе и призрак нацизма, пугающий нашу Родину.